

Н. Аликина

Дон Кихот ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Государственное учреждение
«Государственный общественно-политический архив Пермской области»
(ГОУ ГОПАПО)

ПЕРМСКИЙ КРАЙ: ИСТОРИЯ В СУДЬБАХ

НАДЕЖДА АЛИКИНА

**ДОН КИХОТ
ПРОЛЕТАРСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

Документальная повесть
о том, как мотовилихинский рабочий
Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б)
за свободу слова и печати
(1920–1922 годы)

ПЕРМЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПУШКА»
2006

63.3 (235.55-Ч Пер.)

ББК 63.3 (2Рос-4Не-2)

А 50

Автор проекта *Михаил Нечаев*

Редколлегия:

М. Г. Нечаев, канд. ист. наук,

Т. В. Безденежных, Т. И. Демиденко, Н. А. Зенкова

Автор благодарит всех, оказавших помощь и содействие
в подготовке и издании книги.

Особая признательность *Юрию Николаевичу Вознярскому,*
а также Татьяне Игнатьевне Демиденко,
Юлии Васильевне Демиденко, Юлии Борисовне Пугачевской,
Галине Анатольевне Синягиной,
Вере Анатольевне Мишлановой.

Аликина Н. А.

А 50 Дон Кихот пролетарской революции: Документальная повесть о том, как мотовилихинский рабочий Гавриил Мясников боролся с ЦК РКП(б) за свободу слова и печати (1920–1922 годы). – Пермь: Издательство «Пушка», 2006. – 176 с.; ил.

ISBN 5-98799-043-2

© Н. А. Аликина, 2006

© Издательство «Пушка», 2006

№ 3
Письмо Г. И. Мясникова – В. И. Ленину
6 августа 1921 г.

Тов. Ленин.

Ваше письмо получил. Писать Вам сейчас ответ нет времени. Поеду в завод Мотовилиху и оттуда пришлю ответ, но не могу удержаться от следующих вопросов. Вы пишете: «Это походит на основание новой партии, или на Ваше самоубийство». Что это такое?

Вы говорите, что я хочу свободы печати для буржуазии? А свободы печати для меня, пролетария, не имевшего никогда ничего, пролетария, который состоит в партии 15 лет и состоит не за границей, а в России? Из 11 лет до 1917 года моей партийности я 7,5 лет сижу в тюрьмах и на каторге, где 75 дней (в общей сложности) голодая в виде протesta.

Был нещадно избиваем, подвергался пыткам. Остальные 3,5 года проходят в побегах. Я три раза бегу из ссылки с поселения и не так, как тов. Троцкий, который имел возможность отдавать оленей, нет, бегу «зайцем», [и] не за границу, а для партийной работы в России. Для меня свободы печати, хотя бы внутри партии, можно «отпустить» малую толику? Или как только оказался с вами не согласен в оценке сил (не паника, а большая вера в свои силы), так «до свиданья»? Это упрощенный способ решать вопросы. Но что же? – Подумаю, а потом напишу Вам обстоятельно на все ваши рассуждения ответ. Я с партией связан кровью. Думаю, что лучшей партии у пролетариата не было и не будет.

Считаю своим долгом пролетария входящую в партию все неправильности, и основные и маленькие, исправлять изнутри партии.

Я хочу, чтоб моя статья («Больные вопросы») появилась в партийной печати. Я хочу, чтоб мне не запрещали говорить на партийных собраниях.

Г. Мясников.

Центр документации новейшей истории Свердловской области (ЦДНИСО).
Ф. 41. Оп. 1. Д. 1143. Л. 168.

№ 4

Телеграмма В. И. Ленина в Пермский губком РКП(б)

12 августа 1921 г.

Пермь, губком РКП(б).

Прошу прочесть на заседании губкома обе статьи Мясникова и мое ответное письмо ему *. То же на Мотовилихинском райкоме. Прошу Мясникова снять две копии с моего ответного письма, одну мне, другую губкому.

Написано 12 августа 1921 года.

Впервые напечатано в 1959 году в Ленинском сборнике XXXVI.

Ленин В. И. ПСС. Т. 53. С. 115.

№ 5

Письмо Г. И. Мясникова – В. И. Ленину

Конец августа 1921 г.

Тов. Ленин.

Все никак не мог собраться Вам ответить на Ваше письмо. Теперь я опять в Москве — вызван из Мотовилихи Комиссией **.

В первый раз Вы спрашивали у меня: 1) какой свободы печати хотите Вы? 2) по закону и 3) и для рабочих эсеров и меньшевиков? Из второго письма видно, что Вы как будто нашли в «Докладной записке» в ЦК и статье «Больные вопросы» ответы на эти вопросы, а если это не так, то, отвечая Вам на него, я попутно отвечу и на эти вопросы.

Вы говорите, что «я неправильно применил диалектику», даже больше того, «вопрос гражданской войны и гражданского мира» в вопросе о том, как мы завоевали и продолжим завоевание крестьянства (на сторону пролетариата). В этих двух важнейших вопросах (касающихся сути мировой политики) я «сумел стать на марксистскую точку зрения...», а тут вдруг — «скатился в пропасть сентиментализма».

Объясняете Вы это явление довольно своеобразно: у меня нервы не в порядке, я в панику ударился, я дал себя подавить известному числу печальных и горьких фактов и потерял способность трезво учесть силы, а потому захотел попасть в одну дверь, попал в другую — [я] захотел лечить коммунистическую партию, прописал ей ампутацию головы и оказался в объятиях буржуазии.

* Речь идет о докладной записке Г. И. Мясникова в ЦК РКП(б) и его статье «Больные вопросы» и ответном письме В. И. Ленина (см. док. № 7).

** Имеется в виду Комиссия, созданная 29 июля 1921 года Организационным бюро ЦК РКП(б) по расследованию деятельности Г.И. Мясникова.

Неужели это серьезно? Вы говорите, что Вы сделаете все, чтоб меня убедить, но на что это похоже? Слова, слова, как говорил Гамлет! Вы сами понимаете, что это не серьезно. Крепко оно, точно, но не убедительно.

Я думаю, что при моей практической выучке, которую я получил в жизни, трудней попасть в объятия буржуазии, чем любому из самых лучших и блестящих мыслителей, в том числе и Вам, не прошедшим этой практической школы непосредственного органического пролетарского чувствования всех больных вопросов. Еще раз говорю, особенно насчет буржуазии — крепко, но не убедительно.

Но с кем грех да беда не случаются. Я охотно берусь проверить себя без всякого ложного или не ложного самолюбия (и откуда у Вас насчет ложного самолюбия? Вот тоже довод или подход?).

Я говорил: «Свобода слова и печати до 1917 года — это одно, свобода слова в 1917 году — это другое, свобода слова в 1918—20 годах — это третье и свобода слова в 1921 году — это четвертое отношение нашей партии к этому вопросу». (Это не абсолют и не чистая демократия, надеюсь.) Свобода слова до 1917 года у нас как программное требование. В 1917 году мы ее при известных условиях добились, в 1918—20 годах мы всякие разговоры о свободе слов и печати считали контрреволюцией, ходом нападающей на нас буржуазии.

Тот общественный процесс, который я старался осмыслить (насколько мне удалось — это Вам судить), распадался на четыре основные момента: 1) пролог социальной революции до февраля 1917 г., 2) первый день социальной революции до 25 октября 1917 г., 3) второй день социальной революции (подавление сопротивления и констатация власти). Это обнимает период с 1918 по [19]20 год включительно. И, наконец, третий день социальной революции с 1921 года.

Этот диалектический процесс содержит в себе как одну из составных частей своих свободу слова и печати, и в каждый из этих моментов этот вопрос различно разрешается, как различна сама обстановка, в которой он возникает.

Вы говорите, что я пустячки забыл — международную буржуазию, и начинаете здесь складодробильный бой с этой буржуазией, которая «покупает газеты, покупает писателей, покупает, покупает и фабрикует общественное мнение в пользу буржуазии». «Буржуазия во всем мире еще сильнее нас и во много раз. Дать еще такое оружие, как свобода политической организации (свобода печати, ибо печать есть центр и основание политической организации), значит, облегчить дело врагу».

«Мы самоубийством кончать не желаем и потому этого не сделяем. А у нас может ли кто отрицать, что буржуазия разбита, но не уничтожена, что она притаилась. Нельзя этого отрицать». Вы говорите, что я в панике, а это что?

Не забыл я ни международную буржуазию, ни нашу (которую мы усиленно создаем). Передо мною факт — вся международная буржуазия поголовно, без всякого изъятия, словом или делом помогала нашей буржуазии свалить нас. И тот факт, что война наша длилась целых три года, показывает, как много сделала международная буржуазия, чтобы свалить нас, и что же? Не свалила! Больше того, она нас признает как фактически существующую власть. Это что показывает? Соотношение сил в международном масштабе.

Сильнее? Бессспорно! Но сильнее у себя дома, в своем государстве, а у нас мы сильнее, потому что у нас есть III Коминтерн и пролетарии, идущие за ним, и государственная власть в руках пролетариата в России.

Когда дробите скулы мировой буржуазии, это хорошо, но вот беда: Вы замахиваетесь на буржуа, а бьете рабочего больше всего. Кто арестовывается за контрреволюцию теперь везде? Рабочие и крестьяне, это бесспорно. Коммунистического рабочего класса у нас нет. Есть просто рабочий класс, среди которого есть и монархисты, и анархисты, и кадеты, и эсеры (все это не обязательно партийные, а лишь по складу мыслей своих). Какое отношение к нему? Никаких рассуждений с кадетом-буржуа, адвокатом, доктором, профессором — здесь одно лекарство: мордобитие, — другое дело с рабочим классом. Нам надо его не в страхе держать, а идейно влиять на него и вести за собой, а потому не принуждение, а убеждение — вот линия, вот закон.

Так, конечно, и ко всем остальным инакомыслящим внутри рабочего класса и крестьянства.

Переход этот сделать трудно, надо много сил и энергии, но мы его сделаем, потому что (я так же думаю, как и Вы) «...у нас и сочувствующих нам рабочих и крестьян сил много и здоровье хорошее» и мы сумеем завоевать симпатию рабочих и крестьян на нашу сторону, несмотря на трудности, тяжкие невзгоды, а тогда хоть черт родись — и «он не страшен будет!»

Свобода печати при сохранении типографий и бумаги в руках пролетарского государства не может быть основой купли и продажи писателей и прочего.

Вы объяляете лозунг свободы слова и печати лозунгами не пролетарскими, не партийными, а буржуазными, и говорите, что Вы в абсолютизм не верите. (Может быть, при данных условиях?)

Я говорю, что ни при всех и при всяких обстоятельствах он прогрессивен, и надеюсь доказать это.

Мы, пролетарии, не церемонились друг с другом, когда это надо было, и тех, которые мешали нам побить буржуазию, мы не совсем по-товарищески «уговаривали», сажали в тюрьмы, а иной раз расстреливали. Но это было время такое: если бы мы этого не сделали, то буржуазия побила бы нас, весь рабочий класс, духовно и физически надолго закабалила бы все человечество. Теперь другое время: нам необходимо массовое пролетарское действие, нам необходимо завоевать крестьянство и идейно покорить его. Если бы Вы доказали, что 1918—20 годы и по задачам, и по методам работ, и по форме организаций ничем не должны отличаться от периода начинающегося 1921 года, то понятно, что доказали, что я не прав. Но этого Вы не сделали.

Теперь насчет «печальных фактов». Вы не будете отрицать того, что гласность их уничтожит. Вы ведь и представить себе не можете, какие размеры принимает взяточничество и иные не совсем хорошие вещи, потому Вы и говорите, чтоб я травил через ЦКК все эти безобразия, и упрекаете меня за то, что я не писал в ЦКК. Я думаю, что гласность их очень много, больше, чем контрольные комиссии, уничтожит. Так, я полагаю, думаете и Вы.

Закон о свободе слова и печати нам нужен, чтобы ввести усердных не по разуму в рамки. Одну из самых больших государственных ежедневных газет придется сделать дискуссионной для всех оттенков общественной мысли. Советская власть будет содержать хулителей своих за свой счет, как делали римские императоры. Это и будет свобода печати при наших российских условиях. Если мы в провинции: в Екатеринбурге, Петрограде, Баку, Казани примерно и т. п., — то это будет все, что можно сделать.

Закон должен карать за ложь, за клевету, за призыв к не использованию того или иного закона, но не карать за высказываемые мысли в целях оказания влияния на правительство, прессу и т. д.

Наша задача состоит в том, что наша свобода печати была действительно и главным образом для конституционных элементов, а не для буржуазии. Вот закон таким надо сделать.

Что этот закон будет иметь не только местное российское значение, но и мировое — этого отрицать не будете и Вы. Это будет сильнейшим орудием в руках коммунистов всех стран в борьбе за идейное обладание рабочим классом.

А здесь в России до того, как издать закон, мы поднимем шум: нужен ли или не нужен этот закон? Не повредит ли он советской власти рабочим и крестьянам? Устраиваем всероссийский тараграм по этому вопросу, да толково и обдуманно. И как Вы думаете? Советская власть и коммунистическая партия от этого потеряет или выиграет? Потеряет она одно: недоверие рабочих и крестьян, осо-

бенно рабочих к себе, но эта потеря стоит многих приобретений.

Еще насчет того, что буржуазия купит силу больше, чем мы. Больше того она не купит, чем есть уже закупленная ею, и наш закон о свободе печати к этому ничего не прибавит и не убавит.

Не верите Вы в силу рабочего класса, не верите Вы в его классовую логику, а верите в чиновников, это Ваша беда. Не знаю, получили Вы записку от меня, где я беру себя в пример, но этот пример — иллюстрация ко всем моим рассуждениям. Вы разве не знаете, что за такой разговор, какой веду я, не одна сотня и тысяча пролетариев сидят в тюрьме и ни одного буржуа не сидит, который так и вопросы ставить не будет?

Если я хожу на воле, то потому, что я коммунист 15 лет, и который свои коммунистические взгляды омыл страданиями. Ко всему этому меня знает рабочая масса, а если бы этого не было? А был бы я просто слесарь, коммунист того же завода, то где бы я был? В ЧК или, более того, меня бы «бежали», как я некогда «бежал» Михаила Романова, как «бежали» Люксембург, Либкнехт. Еще раз — Вы замахиваетесь на буржуазию, а у меня кровь из зубов, а скелеты трещат у нас, у рабочих.

Возьмите-ка проект постановления комиссии об исключении меня из партии и посмотрите, что это такое? Дали холую (более никак не могу назвать) задачу: «обмотивирай исключение из партии Мясникова», — и он обмотивировал. Да так, что совестно мне за ЦК.

Вы получили все ту же записку, где я прошу мою статью в дискуссионном порядке пустить в «Правде», пусть партия подумает над этим вопросом, пусть она взвесит свои силы и на съезде разрешит их, — и что же?

Я (может быть, тысячу раз прав т. Зиновьев, называя меня скверненьким литератором) не литератор и пишу, может быть, не так ясно, как нужно и можно, но правду того, что я плохо выражаю, я чувствую сильнее, может быть, очень многих, в том числе и т. Зиновьева.

Конечно, т. Бухарин, Зиновьев, Троцкий и просто какой-нибудь борзописец лучше бы сказал, яснее сказал, чем я, и заставил бы Вас и всех в ЦК серьезнее отнестись к вопросам, а то ведь шутка сказать: три месяца Докладная записка лежит в ЦК, и никто пальцем не шевельнет. Никто, кроме Соколова да Израиловича (они-то по обязанности), не читал ее, а что хуже всего — на заседании Оргбюро сказали (все сказали!), что читали. Это для чего? Но здесь вина не чья-нибудь, а моя — не умею. Хочу уметь, но не умею. Этой неумелости я приписываю и то, что Вы зачислили меня по штату буржуазии, контрреволюции.

Вы очень мало сказали, или, вернее, ничего не сказали об ос-

новной ячейке государственной власти: о Советах рабочих депутатов предприятий, [а] это основной вопрос социалистического строительства.

Если я сумею написать и меня напечатают, то постараюсь написать брошюру к съезду партии, но не по одному, а по всем трем [вопросам].

Я тоже думаю, что мы сойдемся по всем трем вопросам, если не будем впадать в панику от одной постановки их. Еще о Советах депутатов: давайте на пробу в Пермской губернии в ряде заводов, как-то: Мотовилиха, Воткинского, Чусовая, Кизел, Лысьва и еще некоторых — организуем эти Советы? Гарантирую, что производительность при прочих равных условиях (материал, сырье, продовольствие) будет не меньше. Если я провалюсь? Ну что же? Расстреливайте, если это будет нужно, меня и на деле высмеете мою идею.

Крестьянские союзы в Туркестане существуют. Думаю, что Вы меня не предадите анафеме.

С коммунистическим приветом Г. Мясников.

ЦДНИСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1143. Л. 168—171.

№ 6

Письмо Г. И. Мясникова — Наркому госбезопасности [апрель 1945]

Гражданину наркому Комиссариата
государственной безопасности
Заявление

Синонимом всего дикого, жестокого и беспощадно-мстительного был режим политических пленников в тюрьмах царского правительства. Русский народ с ним боролся. Большевики не из последних. Я за принадлежность к большевикам получил три каторжных приговора и 8 лет каторги. Мне не запрещали: 1) переписки с родными знакомыми, 2) свидания с ними, 3) иметь письменные принадлежности.

А теперь, решив, что парижский воздух вреден для меня, меня извлекли оттуда в чистилище душ и телес советских граждан — ни свиданий, ни переписки, ни письменных принадлежностей.

После 3 месяцев чистилища разрешите мне хотя бы то, что разрешал царский режим.

С почтением к учреждению и его главе

Г. Мясников.

Публикуется по кн.: Минувшее: Исторический альманах — М.:СПб., 1995.
С. 180.